

УДК 903'15

Н.Н. Крадин

*Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН
ул. Пушкинская, 89, Владивосток, 690950, Россия
E-mail: kradin@mail.ru*

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СТРОЙ ХУННУ ЗАБАЙКАЛЬЯ

Хуннская держава была первой кочевой империей в восточной части евразийских степей. Она возникла на рубеже III–II вв. до н.э. и просуществовала до середины I в. н.э. Главные причины ее образования – необходимость объединения скотоводов в мощную “племенную империю” для получения сельскохозяйственной и ремесленной продукции из Китая, стремление кочевников контролировать трансконтинентальные торговые маршруты, а также желание противостоять политическому и культурному давлению с юга. В немалой степени ход исторического процесса был обусловлен военным и политическим талантом основателя Хуннской державы шаньюя Модэ.

Хунну смогли выработать удачную “пограничную” стратегию в отношении южного соседа – Ханьского Китая. Длительный период они практиковали дистанционные методы эксплуатации (набеги и вымогание “подарков”), являвшиеся фундаментом власти правителей Хуннской империи. Раздавая своим соплеменникам военные трофеи и подарки китайских императоров, шаньюи получали право на монопольное осуществление внешнеполитической деятельности и международных контактов. Это придавало хуннскому обществу двойственный характер. Снаружи оно выглядело как завоевательная ксенократическая империя, однако внутри оставалось основанным на племенных связях [Barfield, 1992; Крадин, 2000б, 2002].

В данной статье рассматриваются особенности социально-экономического развития хунну Забайкалья, под которым понимается горно-таежная и степная физико-географическая область, распространенная к востоку от оз. Байкал. С географической точки зрения Забайкалье традиционно принято делить на Западное и Восточное (см., напр.: [Крюков, 1895,

1896]). Реки первого впадают в Байкал, второго – в Амур. Границей между ними выступает Яблоновый хребет. Хозяйственные и тем более этнические различия между Западным и Восточным Забайкальем были характерны еще для эпохи древности. Западное Забайкалье достаточно интенсивно осваивалось хунну, о чем свидетельствуют многочисленные археологические памятники, в т.ч. 3 городища, 5 поселений, 3 “царских” и 30 “простых” могильников, более 50 местонахождений [Лбова, Хамзина, 1999]. В Восточном Забайкалье проживали монголоязычные номады дунху (позднее сяньби). Они были разгромлены шаньюем Модэ и в период расцвета Хуннской державы обложены данью.

Согласно современным палеогеографическим исследованиям, время существования хуннского этноса приходится на завершающий этап позднего субатлантического увлажнения в степях Монголии и Забайкалья, который постепенно сменяется на рубеже эр периодом аридизации [Иванов, Васильев, 1995, с. 166–167, табл. 25]. Исследования специалистов показывают, что сложившиеся на субатлантической стадии ландшафты Забайкалья на протяжении последних тысячелетий остались практически неизменными. В хуннскую эпоху на данной территории были распространены карагана золотистая, ковыли, мятлик, житняк, вострец ложнопырейный [Иметхенов, 1997].

Согласно письменным и археологическим источникам, основным занятием хунну Забайкалья было кочевое скотоводство. Как и номады более позднего времени, они разводили типичных для кочевников Евразии животных: овец, крупный рогатый скот, лошадей, реже коз и верблюдов. Кроме этого, у них имелись в небольшом количестве и другие виды до-

машных животных [Гаррут, Юрьев, 1959; Таскин, 1968; Данилов, 1990; и др.].

Количество номадов, кочевавших на территории современной степной Бурятии, можно рассчитать на основе специальных методик, основанных на определении продуктивности пастбищных ресурсов. В общей сложности здесь могло проживать от 12 до 26 тыс. чел. В военном отношении это от двух-трех до пяти “тысяч” лучников. Можно предположить, что в совокупности с земледельческим населением они представляли самостоятельное воинское подразделение с военачальником в ранге т.н. слабого ваньци (темника), имевшего в подчинении ок. 5–7 тыс. воинов [Крадин, 2000а].

Для занятия земледелием благоприятными были также земли Северной Монголии и Южной Бурятии. Среднегодовые осадки в этой физико-географической зоне в лучшие годы могут достигать 400 мм, что в совокупности с наличием сети рек является важнейшей предпосылкой для развития в регионе земледелия. Не случайно именно здесь находятся все (известные на настоящий момент) городища и поселения хуннского времени, которые расположены на берегах Селенги и ее притоков: Джиды, Чикоя, Хилка.

По всей видимости, большинство жителей оседлых поселений не являлись этническими хунну, а представляли иные этносы, чей быт и хозяйство традиционно были связаны с оседлым образом жизни. На это указывают: 1) преобладание в материалах из раскопок Иволгинского городища костей таких животных, как собака и свинья; 2) занятие рыболовством; 3) строительство канов; 4) типично ханьские земледельческие орудия; 5) ряд типов сосудов; 6) китайские надписи на керамике; 7) антропологические характеристики части черепов [Гохман, 1960] с Иволгинского могильника.

Оседлые жители занимались земледелием и ремеслом, обеспечивая кочевников-скотоводов продуктами своего труда. На примере Иволгинского городища можно реконструировать численность земледельческого населения и характер его хозяйственной деятельности. Вкратце выводы подобной реконструкции могут быть сведены к следующему [Крадин, 2000в]. Исходя из минимальных норм площади пола жилища на одного человека (в пределах 1,8–3,6 м²), принятых в археологии [Cook, Heizer, 1968, p. 92; Массон, 1976, с. 112–113; Афанасьев, 1993, с. 65–66; и др.], можно попытаться определить количество людей, проживавших на раскопанной части памятника. Раскопано 55 жилищ. По площади пола они разбиваются на несколько групп:

- до 10 м² – 4 жилища, в каждом из которых могли жить максимум двое;
- до 20 м² – 13, в каждом из них могли проживать до 4 чел.;

- до 30 м² – 24, возможное число жителей в одном жилище – примерно 6–7;

- более 30 м² – 13, в каждом из них могли жить от 6 до 8 чел.

- более 100 м² – 1 жилище (№ 9), которое явно выполняло административные функции.

Если суммировать приведенные данные, то получается, что на раскопанной части городища могло проживать до 300 чел. Возможно, некоторые жилища занимали лица с высоким общественным статусом, и следовательно, в них жило меньше людей, тогда эта цифра будет в пределах ок. 250–300 чел. Поскольку раскопанная территория составляет примерно 1/10 часть городища, есть основания предположить, что максимальная численность одновременно живущих обитателей Иволгинского городища могла быть 2 500–3 000 чел. Сопоставим теперь эти данные с информацией о хозяйственной деятельности населения и попытаемся определить место Иволгинского городища в экономической структуре Хуннской кочевой империи.

Межгорные котловины Селенги и ее притоков относятся к засушливой агроклиматической зоне. Здесь наблюдается недостаток влаги, но вызревают пшеница, овес, ячмень, гречиха, просо, овощи. Начало земледельческого цикла на этой территории приурочивается к вскрытию рек. Запашка и посев зерновых производятся в первой декаде мая по старому стилю, хлеб спеет к концу августа – началу сентября (РГИА. Ф. 560. Оп. 27. Д. 84. Л. 184). Археологические находки (плуги, мотыги, серпы, зернотерки и пр.) убедительно подтверждают, что население Иволгинского городища занималось земледелием [Давыдова, 1995].

Какие территории могли использоваться жителями городища под сельскохозяйственные угодья? В археологии обычно принято допускать, что наиболее активно используемая хозяйственная зона оседлых земледельческих поселений сосредоточена в радиусе одного часа ходьбы (примерно 5 км) [Рорер, 1979; Вострецов, 1986, с. 137; Афанасьев, 1993, с. 118; и др.]. Из этой зоны исключаются все территории, непригодные для сельскохозяйственной деятельности (леса, болота, водные источники и пр.). В данном случае следует также исключить земли правобережья Селенги, т.к. считается, что обработка полей на другом берегу реки энергетически неэффективна [Афанасьев, 1993, с. 119]. Воспользовавшись картой масштаба 1 : 200 000 “Республика Бурятия”, изданной в 1994 г. в рамках программы “Общегеографические карты Российской Федерации”, определим площадь пастбищных и потенциальных земледельческих ресурсов в районе Иволгинского городища. Получим полукруг в 34,5 км².

По официальным документам, средний урожай в Западном Забайкалье в прошлом столетии равнялся примерно сам-пять с половиной (РГИА. Ф. 560. Оп. 27. Д. 84. Л. 184). Известный знаток сельского хозяйства Восточной Сибири Н.В. Крюков писал, что “средний урожай для ярицы и пшеницы считается в 50–60 пудов с казенной десятины; хорошим называется сбор в 80–90 пудов” [1896, с. 74]. Судя по приведенной им выборке данных о количестве засеянных и собранных зерновых за шесть лет [Там же, с. 77], урожай в этот период в среднем был примерно сам-четыре – сам-шесть. Интересно, что в Маньчжурии китайские крестьяне собирали порядка 85 пудов зерновых с десятины [Яшнов, 1926, с. 112]. Однако едва ли в хунское время земледельцы Забайкалья превосходили средний ханьский урожай сам-полтора – сам-четыре [Кульпин, 1990, с. 209], собираемый к тому же в гораздо более южных районах. Поэтому вряд ли мы сделаем большую ошибку, если возьмем цифру в 50 пудов, т.е. 734 кг/га. Исходя из приведенных данных максимальное количество зерновых (при условии, что засеяны все поля, отсутствуют места, отведенные для выпаса скота), собранных с территории 34,5 км², будет 2 532 110 кг. Часть этого зерна (скажем, в пределах четверти – 633 т) составляла семенной фонд, а часть шла на удовлетворение собственных потребностей земледельцев. Согласно подробным расчетам норм питания древнекитайского населения в различные эпохи, произведенным Э.С. Кульпиным [Там же, с. 131–132, 208–211], за среднестатистическую норму, обеспечивающую простое хозяйственное и демографическое воспроизводство земледельцев, следует принять 300 кг на одного человека. Исходя из этой величины можно рассчитать, что для существования населенного пункта численностью ок. 3 тыс. чел. необходимо было примерно 1 500 т зерна. Остается еще примерно 1 000 т. Это зерно в идеале могло изыматься (или обмениваться) для потребления кочевниками-скотоводами.

Однако насколько правдоподобны такие расчеты? Очевидно, что далеко не вся территория была засеяна зерновыми. Часть полей занимали овощные культуры, часть была отведена под пастбища домашнего скота, который использовался при распашке полей, обеспечивал жителей городища мясом, молоком, удобрениями для сельскохозяйственных угодий. Теоретически не исключено, что какие-то поля “отдыхали” под паром, хотя, скорее всего, население городища практиковало более привычную для народов Дальнего Востока грядковую систему земледелия.

Данные о продуктивности сельскохозяйственных территорий обязательно необходимо корректировать с учетом реальных физических возможностей человека. Из литературы известно, что один чело-

век с упряжкой животных вспахивал 1 га примерно за четыре с половиной рабочих дня, бороновал около двух, четверть дня уходило на посев зерновых, около восьми с половиной дней требовалось на то, чтобы сжать с этой территории урожай, и еще не менее четырех с половиной на обмолот зерна [Бибиков, 1965, с. 53–57; Массон, 1976, с. 105–107; Малинова, Малина, 1988, с. 54–59; Милов, 1998, с. 190–113; и др.]. Пользуясь этими данными, можно вычислить, что взрослое мужское население Иволгинского городища (скажем, 600 чел.) за три полные недели мая могло вспахать, заборонить и засеять 1 800 га. С этой площади они могли получить ок. 1 321 т зерновых. Для того чтобы сжать урожай силами всего взрослого работоспособного населения городища (600 × 2 = 1 200), требовалось почти 13 дней конца августа – начала сентября. Еще неделя уходила на обмолот хлебов.

Вычитаем из 1 300 т зерна 900 т на питание жителей городища и примерно 300 т на посевной запас. Остается, таким образом, не более 100 т излишков. Но мы еще не учли расходы на подкормку крупного рогатого скота в периоды лактации и посевной, прикорм молодняка и свиней, которых активно разводило население городища.

Приведенные выше расчеты характеризуют минимум затрат, необходимых жителям городища для собственного хозяйственного и демографического воспроизводства на основе земледельческой экономики. Для снабжения продуктами земледелия кочевников требовались дополнительные трудовые затраты. Согласно максимально упрощенным расчетам, как это было показано выше, совокупное количество прибавочного продукта с территории зоны активного хозяйственного использования теоретически могло достигать 1 000 т зерна. Для получения такого урожая силами взрослого населения городища требовалось уже не 44, а 77 рабочих дней (насколько это реально в природно-климатических условиях Юго-Западного Забайкалья – отдельный вопрос). При условии использования собранного зерна в качестве пищевой добавки (скажем, в течение зимы) им можно было снабдить более 13 тыс. nomads. Поскольку на территории современной степной Бурятии, согласно продуктивности пастбищных ресурсов, могло кочевать от 12 до 26 тыс. скотоводов [Крадин, 2000а], можно считать, что жители городища были способны удовлетворять частичные потребности в земледельческой продукции большей части местных кочевников. А если бы они использовали под поля территорию, удаленную от жилья более чем на 5 км, или имели заимки, а совокупное число рабочих дней было бы доведено до 100 в году, то общее количество прибавочного продукта теоретически могло быть еще больше.

Помимо земледелия, обитатели городища также занимались животноводством, охотой и рыбной ловлей (подробнее см.: [Крадин, 2000в]). Они разводили свиней, мелкий (овец и коз) и крупный рогатый скот [Гаррут, Юрьев, 1959, с. 81–82; Давыдова, 1995, с. 47]. В остеологических материалах городища кости домашних животных составляют 92,5 %. Бык являлся основной тягловой силой в хозяйстве, свиньи, возможно, главным источником мяса. Роль охоты, судя по фаунистическим остаткам (лишь 7,5 % костей диких зверей), была невелика. В остеологических коллекциях в основном представлены косуля, олень, степная антилопа, лисица, незначительно – лось, медведь, барсук, заяц, хорек [Гаррут, Юрьев, 1959, с. 80–81; Давыдова, 1985, с. 74–75; 1995, с. 49–50]. А.В. Давыдова полагает, что охотились преимущественно с луком и стрелами [1995, с. 49]. Возможно, о пушном промысле свидетельствуют представленные в коллекции городища затупленные наконечники стрел [Там же, табл. 126, 3, 168, 15].

Тем не менее ресурсы окрестностей Иволгинского городища позволяли использовать охоту в качестве важного дополнительного источника белковой пищи (особенно в холодное время года). Наиболее оптимальной зоной для охотничьей деятельности жителей оседлых поселений является территория в радиусе двух часов ходьбы (ок. 10 км), т.е. это 157 км² [Poper, 1979; Binford, 1980; и др.]. Вычитаем определенную нами площадь земельных угодий (34,5 км²), остается 122,5 км². Такой была потенциальная зона охотничьей деятельности для жителей Иволгинского городища. Биомасса диких животных степей Евразии составляет от 3 до 10 кг/га [Иванов, Васильев, 1995, с. 32]. Следовательно, максимальная биомасса обитающих на моделируемой территории млекопитающих могла быть ок. 122 500 кг/км². Допустим, охотник максимально отчуждал от нее не более 30 %, чтобы не нарушать экологического равновесия. Нетрудно подсчитать, что для населенного пункта численностью ок. 3 тыс. чел. такое количество мясной пищи могло стать важным источником питания в осенне-зимний период (36 750 кг : 3 000 чел. : 100 дней = 0,123 кг/день).

Население городища занималось и рыболовством. Селенга замерзает в конце октября – начале ноября, вскрывается в конце апреля – первой декаде мая. С этого времени и до конца лета – период активного рыболовства [Крюков, 1896, с. 197–205]. После зимы рыба являлась важным дополнением в рационе питания жителей городища. По всей видимости, ближе к осени производилась ее массовая заготовка на зиму. Наиболее активно вылавливаемыми видами рыб на этой территории являются чебак, щука, налим, ленок, окунь, язь, особо деликатесные осетр, хариус и таймень. Заходит сюда и байкальский омуль. В различных объектах городища встречены кости рыб

большинства из этих видов [Давыдова, 1985, с. 73–74; 1995, с. 48–49]. Однако рыболовство не могло играть существенной роли в питании населения Иволгинского городища. Согласно статистическим данным XIX в. [Крюков, 1896, с. 197–205], в этом месте могло вылавливаться до 155 пудов (2 480 кг) рыбы. В расчете на одного жителя городища получается мало. Тем не менее богатая протеином рыба в летние месяцы отчасти компенсировала нехватку мяса.

Как оценивать отношения между номадами и жителями оседлых поселений – как сложившуюся систему доминирования кочевников и эксплуатацию ими земледельцев или же как партнерские торгово-обменные связи между двумя хозяйственно-культурными группами общества? Очевидно, что номады имели в целом более высокий общественный статус в Хуннской кочевой империи. Это прослеживается даже визуально – их захоронения, например, в Дырестуйском Култуке или Черемуховой Пади богаче и масштабнее, чем погребения Иволгинского могильника. Данный факт предполагает возможность существования определенной эксплуатации обитателей поселений (для межэтнической эксплуатации кочевниками земледельческого населения совсем необязательно создание государства). В то же время нельзя забывать, что в среде низших социальных групп Ханьской империи бытовало мнение о привольном образе жизни иммигрантов в среде кочевников. Единственная проблема – это опасность быть пойманным китайскими пограничниками во время побега.

Скорее всего, в Хуннской державе существовал достаточно широкий спектр отношений между кочевниками и земледельцами оседлых поселений. Это могли быть как поселки, заселенные пленниками-рабами, так и населенные пункты, жители которых имели статус полуассальных данников, обязанных поставлять номадам определенное количество земледельческой и ремесленной продукции, или даже общины земледельцев, поддерживавшие дружеские экономические и торговые связи с кочевой частью населения степной империи при условии военного и политического доминирования кочевников. Однако в любом случае оседлые земледельческие поселения играли важную роль в экономической структуре Хуннской кочевой империи.

Более полную информацию о соотношении кочевных и земледельческих групп в хуннском обществе можно получить на основе анализа материалов погребальных памятников. В качестве методологии для изучения общественной дифференциации по археологическим источникам принята идея о возможности рассмотрения власти как формы социальной энергии [Adams, 1975]. С этой точки зрения величина власти связана с масштабом контроля над источниками (продуктивные ресурсы, военная добыча, товарооборот и др.),

накопителями (склады, у номадов – стада, сокровищницы и пр.) энергии и над перераспределением энергетических потоков. Чем выше был статус индивида при жизни, тем богаче сопроводительный инвентарь в могиле (одежда, украшения, оружие, предметы быта, пища, символы власти, импортные товары). Однако, поскольку многие элитные погребения древности разграблены, можно согласиться с теми исследователями, которые полагают, что такой критерий, как количество энергозатрат на возведение погребальных сооружений, коррелирует с рангом умершего, объемом его власти при жизни [Binford, 1971; Массон, 1976; Бишопни, 1994; Васютин, 1998; и др.].

Таким образом, погребальный обряд может служить достаточно надежным источником информации о социальной дифференциации в исследуемом обществе. Однако процедуре выделения социальных рангов должен предшествовать половозрастной анализ погребений. Это обусловлено неравным статусом в обществе мужчин и женщин (что должно отражаться и в погребальной обрядности), а также существованием в архаическом обществе процедур специфических инициаций, без прохождения которых переход в иной, более значимый социальный статус не представлялся возможным [Бунятян, 1985; Афанасьев, 1993; Матвеева, 2000; Тишкин, Дашковский, 2003; и др.].

Методика исследования предполагает ряд последовательных операций:

1) выделение особенностей погребального обряда, составление списка признаков, ввод информации в компьютерную базу данных (для этих целей была использована специализированная программа STATISTICA 5.0 for WINDOWS);

2) выявление факторов, значимых для возрастной дифференциации совокупности;

3) разделение погребений на взрослые и детские;

4) выявление факторов, значимых для дифференциации взрослых погребений по половому признаку;

5) разделение совокупности на мужские и женские захоронения;

6) изучение отличий в погребальном обряде в пределах однородных половозрастных групп и интерпретация неопределенных погребений;

7) выявление существенных факторов, связывающих те или иные внутригрупповые кластеры с различными категориями сопроводительного инвентаря;

8) интерпретацию полученных результатов.

Для выявления признаков, значимых для тех или иных половозрастных и общественных групп, использовался факторный анализ. Данный метод позволяет обнаруживать скрытые факторы, объясняющие связи между выбранными признаками. Для вычленения социальных групп внутри однородных половозрастных совокупностей применялся кластерный анализ. Этот метод предназначен для разбиения какого-либо множества на заданное или неизвестное число классов на основании некоторых критериев сходства-различия.

Для анализа нами были отобраны материалы по наиболее изученным могильникам Ильмовая Падь, Черемуховая Падь, Дырестуйский Култук, Иволгинский (всего учтено 426 погребений). Изучение погребальных памятников хунну Забайкалья выявило сложную социальную структуру, наличие иерархической системы рангов, прослеживаемой в различных половозрастных и этнокультурных группах общества (подробнее см.: [Крадин, Данилов, Коновалов, 2004]).

Мужские погребения разбиваются на несколько резко различающихся между собой рангов (табл. 1). Их можно выстроить в иерархическую лестницу. Самый верхний “этаж” занимают три кургана (№ 10, 40, 54) комплекса Ильмовая Падь, которые относятся

Таблица 1. Мужские погребения хунну Забайкалья

Могильник	Кластер	Сопроводительный инвентарь
Иволгинский	1	Безынвентарные погребения
	2AA	Инвентарь
	2AB	Инвентарь + пояс
	2B	Инвентарь + пояс + сбруя
Дырестуйский Култук	1B	Разнообразный инвентарь
	1A	Более разнообразный инвентарь
	2	Более разнообразный инвентарь с украшениями
Черемуховая Падь	1	<i>Дифференциации не выявлено</i>
	2	
Ильмовая Падь	1B	Разнообразный инвентарь
	1A	Еще более разнообразный инвентарь (+ зеркала, золотые украшения)
	2	Курганы элиты (№ 10, 40, 54)

к т.н. элитным или царским (кластер 2). Ниже рангом захоронения этого же могильника с разнообразным инвентарем (субкластеры 1А и 1В), между которыми имеются некоторые различия. Погребения субкластера 1А, возможно, несколько богаче. За ними по близости погребального обряда и количеству сопроводительного инвентаря следуют погребения Черемуховой Пади и Дырестуйского Култук. В последнем выделяются три группы примерно одного общественного ранга. По всей видимости, мы должны говорить о полноправном населении хуннского общества.

В Иволгинском грунтовом могильнике выделено четыре общественных ранга. Самый низший – безынвентарные погребения (кластер 1). Остальные три – с различными категориями инвентаря. Вторая группа (субкластер 2АВ) отличается от первой (2АА) наличием пояса, а третья (2В) от второй – наличием сбруи.

Дифференциация субкластеров в целом отражает различия между разными социальными рангами хуннского общества. Велик соблазн попытаться “привязать” выделенные кластеры к конкретным социальным группам, известным по летописным источникам. Однако это было бы слишком преждевременно. Всегда необходимо помнить, что археология имеет дело с фрагментарными остатками некогда существовавшей культуры, как и то, что в нашем распоряжении имеется лишь небольшая выборка фактических данных, и с каждым новым полевым сезоном наши знания о прошлом могут существенно корректироваться. По всей видимости, только при значительном расширении источниковой базы можно будет более определенно связать те или иные кластеры погребений с конкретными социальными группами хуннского общества.

В то же время, интерпретируя результаты статистического анализа мужских захоронений, следует учитывать то, что кочевое скотоводческое население Западного Забайкалья представляло собой, по всей видимости, самостоятельную административно-территориальную единицу имперской иерархии, возглавляемую вождем в ранге темника. Исходя из этого можно предположить принадлежность элитных курганов на могильниках Ильмовая Падь, Оргойтон, Царам, Хухундэр высшим региональным вождям и их ближайшим родственникам.

Элитные курганы резко противопоставлены захоронениям номадов, имевших более низкий статус. Здесь можно говорить о различиях в погребальном обряде и разнообразии сопроводительного инвентаря как между могильниками в целом, так и между отдельными группами погребений (субкластерами). Различия между курганными могильниками могли быть обусловлены разным статусом племенных и родовых коллективов, воздвигнувших эти погребальные комплексы, внутриэтнической (межплеменной) спецификой и особенностями разных этапов истории хунну.

Количество труда, вложенное в сооружение курганных могильников Ильмовая Падь, Черемуховая Падь и Дырестуйский Култук, в целом больше, чем энергозатраты на погребения грунтового Иволгинского могильника. Это дает основания предположить, что статус кочевников-скотоводов был явно выше статуса жителей оседлых земледельческих поселений.

Исследование совокупности женских захоронений показывает наличие иерархии у представительниц слабого пола (табл. 2). Необходимо также отметить, что почти в половине выделенных кластеров (субкласте-

Таблица 2. Женские погребения хунну Забайкалья

Могильник	Кластер	Сопроводительный инвентарь
Иволгинский	1В	Безынвентарные погребения
	1АА	Керамика
	1АВ	Инвентарь (в т.ч. керамика)
	2А	Более разнообразный инвентарь (в т.ч. сбруя, монеты, украшения)
	2В	Еще более разнообразный инвентарь, остатки заупокойной тризны
Дырестуйский Култук	1В	Разнообразный инвентарь, остатки тризны
	2	Разнообразный инвентарь, остатки тризны + кости крупного рогатого скота, вооружение
	1А	Еще более разнообразные украшения, остатки тризны + кости крупного рогатого скота
Черемуховая Падь	2	Более разнообразный инвентарь
	1	Разнообразный инвентарь
Ильмовая Падь	1В	Бедный инвентарь
	2	Разнообразный инвентарь
	1А	Еще более разнообразный инвентарь (+ зеркала, золотые украшения)

ров) встречаются предметы вооружения. Это подтверждает хорошо известный по письменным и археологическим источникам факт активного участия женщин в военной жизни степняков [Смирнов, 1964, с. 201; Хазанов, 1975, с. 85–86; Бунятян, 1985, с. 71; Полосьмак, 1997, с. 42; и др.].

В совокупности женских захоронений наиболее “знатного” могильника Ильмовая Падь выделяются три социальных ранга: субкластер 1А – “богатые” погребения, кластер 2 – менее “богатые” субкластер 1В – погребения женщин с самым низким статусом.

Женские захоронения Черемуховой Пади, в отличие от мужских, где дифференциации не выявлено, демонстрируют различия двух групп.

Среди погребений могильника Дырестуйский Култук выделяются три группы. Первая (субкластер 1В) – с обычным для простых захоронений инвентарем, более бедным, чем в погребениях, относящихся к кластерам 1А и 2. Между последними группами также есть некоторые различия: большое количество и разнообразие украшений в одной (субкластер 1А) и наличие оружия (кластер 2) в другой.

Гораздо более сложная иерархия прослеживается по женским захоронениям Иволгинского могильника. Здесь выявлено пять рангов. Первая группа погребений (1В) – безынвентарные, в могилах второй (1АА) встречается только керамика, третьей (1АВ) – появляется сопроводительный инвентарь, четвертой (2А) – инвентарь более разнообразный, в т.ч. встречаются пояс, монеты, различные украшения, в пятой группе (2В) данные признаки становятся массовыми, фиксируется заупокойная тризна.

Детские захоронения также демонстрируют отчетливую разницу между курганными (Ильмовая Падь, Дырестуйский Култук) и грунтовыми (Иволгинский могильник) погребальными комплексами. Лучше всего социальная дифференциация прослеживается на Иволгинском могильнике, где совокупность детских погребений подразделяется на три группы: безынвентарные (субкластер 2ААВ), захоронения с керамикой (субкластер 2ААА) и с разнообразным сопроводительным инвентарем (субкластер 2АВ). Отдельно следует рассматривать погребения в сосуде (кластер 1), которые условно обозначены как младенческие.

При сопоставлении кластеров выясняется, что по разнообразию сопроводительного инвентаря детские захоронения разных могильников могут быть объединены в две группы: 1) безынвентарные и “бедные” погребения Иволгинского могильника (кластер 1, субкластеры 2ААА, 2ААВ, 2В); 2) захоронения Дырестуйского Култука и Ильмовой Пади, а также относящиеся к субкластеру 2АВ Иволгинского могильника. В целом это дает основание для выделения “богатых” и “бедных” погребений детей.

Таблица 3. Детские погребения хунну Забайкалья

Могильник	Кластер	Сопроводительный инвентарь
Иволгинский	1	Погребения в сосуде
	2ААВ	Безынвентарные погребения
	2ААА	Керамика
	2АВ	Инвентарь (в т.ч. керамика)
Дырестуйский Култук	1А	Инвентарь (девочки?)
	2	Инвентарь (мальчики?)
Ильмовая Падь		Дифференциации не выявлено

Сопоставление полученных данных со сведениями письменных источников показывает сложный многоярусный характер социальной структуры хуннского общества. Согласно нарративным данным, на вершине общественной пирамиды находился шаньюй и его ближайшие родственники – представители клана Люаньди. Следующую ступень занимали члены других знатных кланов, племенные вожди, служившая знать. Далее располагалась самая массовая группа общества – простые кочевники-скотоводы. Внизу социальной лестницы находились различные неполноправные категории: обедневшие номады, полуассальное оседлое население, военнопленные данники, занимавшиеся земледелием и ремеслом, рабы [Крадин, 2002].

В то же время необходимо иметь в виду, что Забайкалье являлось северным пограничным форпостом Хуннской империи. Здесь обитали одна либо несколько периферийных племенных групп, входивших в состав имперской конфедерации в ранге отдельной “тумы”. Вместе с тем на территории Монголии имеются гораздо более пышные погребальные комплексы хуннской элиты, принадлежащие не провинциальным вождям, а представителям Золотого рода Люаньди. Ясно, что несколько другую функцию выполняли и хуннские поселения на территории Монголии (иначе чем объяснить, например, отсутствие черепицы на городищах в Бурятии). Возможно, при исследовании массива хуннских погребений в Монголии будет выделено несколько иное количество социальных групп, другим будет и соотношение между ними. Однако рассмотрение всех этих вопросов, а также проблемы хронологии и локальных вариантов хуннской культуры – это, несомненно, задача будущих исследований, для осуществления которых предварительно необходимо систематизировать всю имеющуюся информацию о раскопанных погребениях хунну на территории России, Монголии и Китая.

Список литературы

- Афанасьев Г.Е.** Донские аланы: Социальные структуры алано-ассо-бургасского населения бассейна среднего Дона. – М.: Наука, 1993. – 182 с.
- Бибииков С.Н.** Хозяйственно-экономический комплекс развитого Триполья (опыт изучения первобытной экономики) // СА. – 1965. – № 1. – С. 48–62.
- Бишони Р.** Погребальный обряд как источник для исторической реконструкции // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. – М.: Ин-т археол. РАН, 1994. – Вып. 1: Савроматская эпоха. – С. 153–157.
- Бунятян Е.П.** Методика социальных реконструкций в археологии (на материале скифских могильников IV–III вв. до н.э.). – Киев: Наук. думка, 1985. – 227 с.
- Васютин С.А.** Социальная организация кочевников Евразии в отечественной археологии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 1998. – 18 с.
- Вострецов Ю.Е.** Метод ландшафтного анализа (на примере поселений кроуновской культуры железного века в Приморье) // Проблемы археологических исследований на Дальнем Востоке. – Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1986. – С. 135–147.
- Гаррут В.Е., Юрьев К.Б.** Палеофауна Иволгинского городища по данным археологических раскопок 1949–1959 гг. // Археологический сборник. – Улан-Удэ, 1959. – Вып. 1. – С. 80–82.
- Гохман И.И.** Антропологическая характеристика черепов из Иволгинского городища // Тр. БКНИИ СО АН СССР. – 1960. – Вып. 3. – С. 166–173.
- Давыдова А.В.** Иволгинский комплекс (городище и могильник) – памятник хунну в Забайкалье. – Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1985. – 111 с.
- Давыдова А.В.** Иволгинский археологический комплекс. – СПб.: Центр “Петербургское востоковедение”, 1995. – Т. 1: Иволгинское городище. – 280 с. – (Археологические памятники сюнну; Вып. 1).
- Данилов С.В.** Жертвоприношения животных в ритуалах древних племен Забайкалья как источник по истории религиозных верований скотоводческих народов: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 1990. – 23 с.
- Иванов И.В., Васильев И.Б.** Человек, природа и почвы Рын-песков Волго-Уральского междуречья в голоцене. – М.: Интеллект, 1995. – 264 с.
- Иметхенов А.Б.** Природа переходной зоны на примере Байкальского региона. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1997. – 232 с.
- Крадин Н.Н.** Вероятная численность кочевого населения Бурятии в хуннскую эпоху // Вперед... в прошлое: К 70-летию Ж.В. Андреевой / Под ред. Ю.Е. Вострецова, Н.А. Ключева. – Владивосток: Дальнаука, 2000а. – С. 161–173.
- Крадин Н.Н.** Имперская конфедерация Хунну: социальная организация суперсложного вожества // Ранние формы социальной организации / Под ред. В.А. Попова. – СПб.: МАЭ РАН, 2000б. – С. 195–223.
- Крадин Н.Н.** Хозяйственная деятельность населения Иволгинского городища // Вестн. ДВО РАН. – 2000в. – № 6. – С. 111–121.
- Крадин Н.Н.** Империя Хунну. – 2-е изд. – М.: Логос, 2002. – 312 с.
- Крадин Н.Н., Данилов С.В., Коновалов П.Б.** Социальная структура хунну Забайкалья. – Владивосток: Дальнаука, 2004. – 106 с.
- Крюков Н.А.** Восточное Забайкалье в сельскохозяйственном отношении. – СПб.: [Б.и.], 1895. – 161 с.
- Крюков Н.А.** Западное Забайкалье в сельскохозяйственном отношении. – СПб.: [Б.и.], 1896. – 233 с.
- Кульпин Э.С.** Человек и природа в Китае. – М.: Наука, 1990. – 248 с.
- Лбова Л.В., Хамзина Е.А.** Древности Бурятии: Карта археологических памятников. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. – 224 с.
- Малинова Р., Малина Я.** Прыжок в прошлое: Эксперимент раскрывает тайны древних эпох. – М.: Мысль, 1988. – 271 с.
- Массон В.М.** Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии). – Л.: Наука, 1976. – 191 с.
- Матвеева Н.П.** Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке (лесостепная и подтаежная зоны). – Новосибирск: Наука, 2000. – 339 с.
- Милов Л.В.** Русский пахарь и особенности российского исторического процесса. – М.: РОССПЭН, 1998. – 573 с.
- Полосьмак Н.В.** Пазырыкская культура: реконструкция мировоззренческих и мифологических представлений: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1997. – 54 с.
- Смирнов К.Ф.** Савроматы. – М.: Наука, 1964. – 379 с.
- Таскин В.С.** Скотоводство у сюнну по китайским источникам // Вопросы истории и историографии Китая / Под ред. Л.И. Думана. – М.: Наука, 1968. – С. 21–44.
- Тишкин А.А., Дашковский П.К.** Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2003. – 430 с.
- Хазанов А.М.** Социальная история скифов: Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей. – М.: Наука, 1975. – 343 с.
- Яшнов Е.Е.** Китайское крестьянское хозяйство в Северной Маньчжурии: Экономический очерк. – Харбин: [Тип. КВЖД], 1926. – 525 с.
- Adams R.** Energy and Structure: A Theory of Social Power. – Austin: University of Texas Press, 1975. – 353 p.
- Barfield T.** The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China, 221 BC to AD 1757. – 2nd ed. – Cambridge: Blackwell, 1992. – 325 p.
- Binford L.** Mortuary Practices: Their Study and Their Potential // Memories of the Society for American Archaeology. – 1971. – Vol. 25. – P. 6–28.
- Binford L.** Willow smoke and dog's tails: hunter-gatherer settlement system and archaeological site formation // American Antiquity. – 1980. – Vol. 45, N 1. – P. 4–20.
- Cook S., Heizer R.** Relationship among houses, settlement areas, and population in aboriginal California // Settlement Archaeology/ Ed. by K. Chang. – Palo alto: National Press Books, 1968. – P. 79–116.
- Popper D.C.** The Method and Theory of Site Catchment Analysis: a review // Advances in archaeological method and theory / Ed. by M. Shiffer. – N.Y.: Academic, 1979. – P. 120–140.